

Административное и муниципальное право

Правильная ссылка на статью:

Родикова В.А. — Честь имею: право публичных образований на защиту деловой репутации //

Административное и муниципальное право. – 2023. – № 1. DOI: 10.7256/2454-0595.2023.1.39288 EDN: IGBQZE

URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39288

Честь имею: право публичных образований на защиту деловой репутации

Родикова Валентина Александровна

соискатель кафедры гражданского права и процесса Уральского института управления РАНХиГС

620144, Россия, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66

✉ rodikovajus@gmail.com

[Статья из рубрики "Актуальная проблема"](#)

DOI:

10.7256/2454-0595.2023.1.39288

EDN:

IGBQZE

Дата направления статьи в редакцию:

30-11-2022

Аннотация: Исследуются причины сингулярного характера защиты деловой репутации публичных образований, органов власти РФ, во многом обусловленные спецификой правосубъектности данных юридических лиц, а также исторически сложившимся подходом к вопросу компенсации вреда, нанесенного деловой репутации публичных субъектов права. Предметом работы являются способы, процессуальные алгоритмы защиты деловой репутации публичных образований, органов власти, рассматриваемые в том числе с целью объективной оценки актуальных предложений по созданию соответствующей нормативной базы и анализа встречных контрфактов юридического сообщества и бизнеса, обеспечивающей одновременно эффективное и справедливое функционирование института гражданских прав и свобод. Целью исследования является формулировка предложений по выработке регламента и параметров правового регулирования способов, механизмов защиты деловой репутации публичных образований; разработка рекомендаций по внесению изменений в ряд нормативных правовых актов, ориентированных на преодоление правовой энтропии в отсутствие поименованных допустимых способов и процессуальных алгоритмов защиты. Проанализированы ранние образчики правовых норм, регулирующих деловую репутацию Российского государства, его представителей; советская и современная нормативная база, судебная доктрина, правоприменительная практика, в том числе

международная, по данному вопросу. Собрана и предоставлена доказательная база, свидетельствующая о наличии правомочий и, более того, необходимости защиты отечественными публичными образованиями своей деловой репутации в гражданском порядке. Изучены современные источники репутационного вреда; сформулированы предложения по модификации действующего законодательства и допустимой степени рецепции международных правовых норм; декриминализации подходов по защите репутации органов власти и расширенному применению гражданского законодательства в вопросах возмещения убытков, понесенных публичным образованиям в результате причинения вреда деловой репутации, в том числе со стороны его должностных лиц, представителей.

Ключевые слова:

деловая репутация, публичное образование, порочащие сведения, деликтная ответственность, представитель юридического лица, правосубъектность публичных образований, комплаенс, репутационный риск, диффамационный иск, санкционный порядок

Один за всех: п.11 ст. 152 ГК РФ – единственная правовая норма (фактически - вывод по аналогии), позволяющая юридическим лицам, публичным образованиям в том числе, подкрепить весьма «размытые» правомочия по гражданско-правовому регулированию вопросов защиты собственной деловой репутации. Легальные механизмы, обеспечивающие гарантированное право юридических лиц на восстановление важнейшего нематериального актива, – скорее вызов российскому законодателю, ориентированному на отработанные юридические практики. Несмотря на сложную геополитическую ситуацию, появление и развитие современных угроз деловой репутации, в том числе публичных образований, соответствующие действенные механизмы ее защиты в России отсутствуют.

Заявленное законодателем «право на репутацию» политических структур общества, включая Российскую Федерацию, ее субъектов и муниципальных образований, не подкреплено ни соответствующей нормативно-правовой базой, ни фундаментальными доктринальными исследованиями, ни единообразием судебной практики; в имеющихся научных работах рассматриваются исключительно вопросы защиты от репутационного вреда юридических лиц вне изучения специфики защиты деловой репутации публичных образований.

Причиной тому, по мнению ряда исследователей, является дискретное историческое развитие как частного, так и публичного отечественного права: ни ранние его образчики, ни имперское законодательство России, ни тем более советская юриспруденция не полагали необходимым тщательное регулирование вопросов компенсации вреда, нанесенного деловой репутации юридического лица, в силу определенной специфики российского исторического и, как следствие, правового поля [1. с. 35-38]. Однако данная точка зрения опровергается фактическим отождествлением репутационного вреда, причиненного отдельным субъектам права, вреду «государственному», публичному в ряде отечественных исторических источников права, в том числе древнерусского.

Так, Русская Правда XIII-XIV вв., равно как и Правда Ярослава, не предполагала детально разработанных норм деликтной ответственности за нанесение вреда репутации

государства, его представителей, не связанных с уголовной; принципиального различия между ними не проводилось [\[2, с.12-15\]](#). Предусматривалось право наложения на виновного денежного взыскания (компенсационный платеж получил название «урока») [\[3, с. 52\]](#); при этом отдельно выделялась публично-правовая штрафная выплата князю как представителю публичного образования, государства; будучи аналогом современной «государственной пошлины», она называлась «продажа» [\[4\]](#).

Соответствующие нормы за нанесение репутационного вреда должностным лицам, органам власти действием содержались и в Псковской судной грамоте XIV-XV вв., предусматривающей денежные выплаты потерпевшему наряду со штрафом в пользу князя как представителя государства, чья репутация пострадала от действий виновника.

В Судебнике 1550 г. полагалась компенсации за бесчестье в результате оскорбления государственных людей, причем таковое полагалось вредом репутации самого государя и государства [\[5, с. 82\]](#). Прообразом института вреда деловой репутации публичных образований и органов власти стали соответствующие дефиниции оскорбления образа и чести царя, иных государственных органов, также закрепленные в Судебнике 1550 г. Подобные деликты облагались двойным штрафом, подчеркивающим масштаб правонарушения и его антигосударственную направленность.

В Соборном Уложении 1649 г. все преступления (т.е. уголовно-наказуемые деяния), затрагивающие честь государя как выразителя и носителя государственной власти, являющегося самостоятельным государственным институтом, считались государственными, соответствующие «бесчестные деяния» [\[6, с. 192\]](#) - преступлениями против репутации и облика государства, публичного образования, расцениваясь в качестве *lex laesae majestatis*.

В.В. Калинин, анализируя историческую ретроспективу развития законодательства о гражданско-правовой защите деловой репутации, не без основания отметил, что в российской правовой традиции посягательства на нематериальные блага представителей власти, должностных лиц первоначально влекли лишь уголовную ответственность [\[7, с.170-171\]](#). Так, в советском уголовном законодательстве в качестве самостоятельного состава выделялось публичное оскорбление представителя власти при осуществлении им должностных полномочий (ст. ст. 193.5, 193.6 УК РФ) [\[8, с. 201\]](#); при этом не упоминалось о защите нематериальных благ юридических лиц, включая публичные образования.

Фактически реципированная у нормативного акта XVII века норма ст. 319 УК РФ «Оскорбление представителя власти» (к таковым, согласно п.3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 г. №19 следует относить лиц, наделенных правами и обязанностями по осуществлению функций органов законодательной, исполнительной или судебной власти, а также, исходя из содержания примечания к ст. 318 УК РФ, иных лиц правоохранительных или контролирующих органов, наделенных в установленном законом порядке распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся от них в служебной зависимости, либо правом принимать решения, обязательные для исполнения гражданами, организациями, учреждениями независимо от их ведомственной принадлежности и форм собственности) отражает отечественную особенность защиты деловой репутации как публичных образований, так и должностных лиц, осуществляющих руководство ими/представляющих их, вне гражданско-правового контекста.

Введение указанных норм (квалифицирующих деяния, наносящие ущерб репутации руководителя государства/должностного лица, реализующего функции органа власти, как преступления против государства) в уголовное законодательство, несомненно, стабилизирует социальную обстановку, одновременно базируясь на генетике российского права, защищавшего деловую репутацию, наряду с репутацией частных лиц, аналогов современных корпоративных и государственных институций. Но вместе с тем обедняет гражданско-правовую практику, не обеспечивая возможность легальной самозащиты деловой репутации публичных образований и – особенно – должностных лиц, «представителей власти», подменяя во всех случаях деликтную по своей природе ответственность уголовной.

По мнению А.В. Белявского, комментирующего ч.1 ст. 7 «Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик» 1961 г., «Уголовный Кодекс защищает честь и достоинство граждан, а Основы – также юридических лиц и коллективов» [\[9, с. 108\]](#). Как представляется, данная точка зрения, предоставляющая гражданско-правовые рычаги по защите деловой репутации в том числе публичным образованиям, актуальна и сегодня.

Действующая редакция Гражданского Кодекса РФ конституирует правомочность применения норм гражданского права к любым неимущественным отношениям, в том числе, к отношениям по защите деловой репутации публичных образований и представителей власти (несмотря на то, что действующая редакция ГК РФ в п.1 ст. 150 ГК РФ ограничивает предел защиты деловой репутации искусственных субъектов права поскольку обозначает в качестве субъекта, располагающего множеством защищаемых нематериальных благ, исключительно физическое лицо).

Классический российский подход по отнесению порочащей информации к средствам причинения вреда деловой репутации органа власти, публичного образования продемонстрирован в Обзоре практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации Верховного Суда РФ от 16.03.2016 г. Примечательно, что в Обзоре упоминается удовлетворенное судом исковое требование об истребовании компенсации морального вреда не только в пользу единоличного исполнительного органа власти, экс-мэра Москвы Лужкова Ю.М., но и органа исполнительной власти субъекта федерации, т.е. де-факто публичного образования.

Как указала Судебная коллегия Верховного Суда РФ, принимая решение по данному делу, оно представляет собой конфликт между правом на свободу выражения мнения и защитой репутации. В мотивировочной части рассматриваемого Определения, в дальнейшем растиражированного как судами низших инстанций, так и Верховным Судом РФ в иных случаях, давались ссылки на ст. ст. 3 и 4 Декларации о свободе политической дискуссии в СМИ, принятой 12.02.2004 г. на 872 заседании Комитета Министров Совета Европы.

Согласно данному международному акту, политические деятели, стремящиеся заручиться общественным мнением, тем самым соглашаются стать объектом общественной политической дискуссии и критики в СМИ, а государственные должностные лица могут быть подвергнуты критике в СМИ в отношении того, как они исполняют свои обязанности, поскольку это необходимо для обеспечения гласного и ответственного исполнения ими своих полномочий. Верховный Суд РФ отметил также, что, «согласно п.1 ст. 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства

со стороны публичных властей и независимо от государственных границ».

В приведенном Определении Верховный суд отметил также, что «пределы допустимой критики шире в отношении правительства, чем простого лица или даже политика. При демократическом режиме действия и бездействие правительства должны быть помещены под внимательный контроль со стороны не только законодательной и судебной власти, но также общественного мнения. Кроме того, доминирующее положение, которое оно занимает, делает необходимой демонстрацию сдержанности, когда встает вопрос об уголовном преследовании, особенно когда имеются другие средства ответа на неоправданные нападки и критику со стороны его противников», акцентируя внимание на предусмотренные законом иные гражданско-правовые способы защиты нарушенного права, в частности право на ответ, комментарий, реплику в том же СМИ в целях обоснования несостоятельности распространенных суждений, предложения их иной оценки (п. 3 ст. 152 ГК РФ).

Названная позиция высших судебных инстанций, многократно продублированная в последующих судебных актах, касающихся вопроса защиты деловой репутации публичных образований, органов власти и ее представителей, нашедшая поддержку в доктрине, в ближайшей перспективе может претерпеть значительные изменения, связанные с преобразованием гео-политического поля и новыми публичными вызовами, в частности, с выходом Российской Федерации из Совета Европы (официально членство прекратится 01 января 2023 г.), с одновременной денонсацией Устава и Конвенции о защите прав человека и основных свобод, Европейской конвенции по правам человека, а также выходом из-под юрисдикции ЕСПЧ (с 16 сентября 2022 г.).

Несмотря на решение о выходе Российской Федерации из состава Совета Европы и денонсации перечисленных нормативных актов, являвшихся основой традиционного подхода к гражданско-правовому разрешению споров о защите деловой репутации юридических лиц, принятое 15 марта 2022 г., некоторые авторы продолжают ссылаться на решения ЕСПЧ, считая их императивами для выносимых судами РФ решений.

Так, в качестве аксиоматичного приводится мнение ЕСПЧ по делу «ООО «МЕМО» (внесено в список иноагентов) против России» (ответчик – Администрация Волгоградской области РФ) о том, что «органы исполнительной власти, наделенные государственными полномочиями, существенно отличаются от юридических лиц, в том числе от государственных корпораций, ведущих экономическую деятельность».

8 апреля 2009 г. Останкинский районный суд г. Москвы при рассмотрении дела по существу обоснованно заметил, что «заявления о лоббировании интересов конкретного юридического лица и о мести со стороны органа исполнительной власти сами по себе наносят ущерб репутации администрации, поскольку могут заставить многих пользователей Интернета поверить в то, что администрация занималась нечистой и неэтичной – пусть даже не противоправной и уголовно наказуемой – деятельностью, осуждаемой обществом», удовлетворив иски органа власти.

Небезынтересно то, что в жалобе в ЕСПЧ СМИ, помимо жалобы на нарушение свободы мнения, утверждает, что «вмешательство со стороны государственной власти не было предусмотрено законом..., поскольку в ст. 152 ГК РФ на момент рассмотрения дела судами речь шла о «чести и достоинстве» граждан, то есть физических лиц, и о «деловой репутации» юридических лиц, а областная администрация как орган исполнительной власти не могла заниматься предпринимательской деятельностью и, соответственно, не могла пользоваться «деловой репутацией». СМИ полагало (и ЕСПЧ

согласился с данным утверждением), что обжалуемое вмешательство по умолчанию «не преследовало законную цель защиты репутации других лиц и не соответствовало какой-либо «неотложной общественной необходимости».

В возражениях Правительство РФ отмечало, что издание «распространяло через СМИ заявления, запятнавшие репутацию представителей государственных органов» (таким образом, произведя правовую транслитерацию репутационного вреда, нанесенного представителю органа власти, на вред самому публичному образованию, продолжая логику, заложенную в ст. 319 УК РФ), против чего ЕСПЧ не возражал в части защиты деловой репутации юридических лиц вообще, отметив, что положения ст. 152 ГК РФ, поскольку они касались деловой репутации, прямо применимы к юридическим лицам как реализация ст. 8 Конвенции «на уважение частной жизни» и п.2 ст. 10 Конвенции. Более того, ЕСПЧ счел, что, несмотря на отсутствие устоявшейся национальной судебной практики в отношении деловой репутации органов государственной власти, вмешательство публичного образования в лице соответствующего представителя было предусмотрено законом, отметив, что в данном случае иск был подан от имени юридического лица как такового, а не от имени кого-либо из его участников.

Если «ранее ЕСПЧ не решался сформулировать позицию о том, что органы публичной власти не должны иметь права подавать иски о защите деловой репутации, поскольку они не ведут никаких коммерческих дел», то в мотивировочной части по рассматриваемому делу отмечается, что «цель защиты репутации отсутствует при критике органов исполнительной власти и в связи с этим не может быть ограничена свобода выражения мнения». Ряд исследователей полагает, что «решение ЕСПЧ может стать вектором для правоприменительной практики в России, который предоставит широкую степень критических суждений в отношении органов власти, а также защитит СМИ и граждан от необоснованных исков органов власти».

В данном деле, одном из последних, рассматриваемых ЕСПЧ в отношении России, указал на то, что перечисленные соображения Правительства РФ «неприменимы к органу, наделенному исполнительными полномочиями и не осуществляющему как таковой прямой экономической деятельности», поскольку данные дела «ложатся чрезмерным и непропорциональным бременем на СМИ, что может иметь неизбежный сдерживающий эффект при выполнении ими своей задачи по распространению информации и общественному надзору».

Таким образом, Европейским судом фактически обозначена разница в интересах государственных органов исполнительной власти в поддержании своей репутации и «коммерческих» юридических лиц либо частных лиц; более того, указано на правомочие обращаться с соответствующими исками только индивидуальным представителям органов власти, если публикация касается их лично и они легко могут быть идентифицированы читателем. Не разъясняется, как в этом случае обстоят дела с правомочиями по защите деловой репутации НКО, не ведущими коммерческой деятельности и очевидно не подпадающими под критерии юридических лиц, имеющих право на защиту деловой репутации.

Данным решением ЕСПЧ прямо отрицается конвенциональное право публичных образований на защиту деловой репутации вне зависимости от контекста и обстоятельств дела со ссылкой на некие «веские политические причины» вне юридических обоснований, которые могут стать причиной для отказа государственным органам, публичным образованиям в праве на предъявление диффамационных исков «в своем собственном качестве».

Более того, совпадающее мнение трех судей ЕСПЧ, содержащееся в решении по рассматриваемому делу, прямо указывает на радикальное отклонение от многочисленных предыдущих Постановлений ЕСПЧ, признававших право публичных образований и органов власти на защиту деловой репутации и в уголовном, и в гражданском контексте, вне зависимости от возможности идентификации членов государственного органа и масштабов его деятельности, а также на отсутствие доказательной базы по сдерживающему воздействию на критикующие деятельность публичного образования СМИ, вместе с тем отмечая отсутствие «разумной соразмерности между рассматриваемым вмешательством (в действия СМИ – прим.) и преследуемой законной целью (по защите деловой репутации – прим.) со стороны органов власти РФ и национальных судов».

Очевидно, защита деловой репутации публичных образований, а также иных юридических лиц, осуществляющих публичные, социальные функции, является проблемной, более того, дискуссионной частью соответствующего пласта судебных дел. Во многом причиной того является тезис, содержащийся в п.8 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ по вопросам защиты нематериальных благ №1 от 2017 г. и до сегодняшнего дня широко применяемый: «критика деятельности лиц, осуществляющих публичные функции, допустима в более широких пределах, чем в отношении частных лиц; рассмотрение таких дел вызывают особую сложность».

В качестве дополнительной иллюстрации широкого использования подобного подхода можно привести Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 10 декабря 2013 г. № 10-КГ13-2 по иску на тот момент занимающего пост губернатора Кировской области, соответственно, являющегося должностным лицом органа исполнительной власти Белых Н.Ю. к депутату Государственной Думы ФС РФ Мамаеву С.П. о защите деловой репутации путем признания распространенных ответчиком на 62-м заседании Государственной Думы ФС РФ сведений, порочащими, по мнению истца, деловую репутацию Белых Н.Ю. как гражданина и должностного лица, а также признания ряда публичных высказываний не соответствующими действительности.

Примером восприятия приведенного подхода к рассмотрению дел в отношении органов власти, публичных образований, в том числе апелляционными инстанциями, является также дело № А10-5338/2018, рассмотренное Арбитражным судом республики Бурятия в отношении ООО «Номер Один» (СМИ) по иску Управления Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии по Республике Бурятия, а также дело № А46-20094/2017 и порядок их рассмотрения в «Справке о результатах обобщения судебной практики по разрешению споров, связанных с применением норм, регулирующих отношения по компенсации морального вреда и защите деловой репутации Четвертого арбитражного апелляционного суда» от 25.06.2021 № 19. В данном документе, ссылаясь на устоявшиеся положения судебной доктрины в Обзорах Верховного Суда РФ от 2016 и 2017 гг., апелляционная инстанция особо отметила, что «сама по себе критика деятельности органов публичной власти не свидетельствует о порочащем характере таких сведений».

Все вышеперечисленное свидетельствует об особом подходе при рассмотрении дел, касающихся публичных образований либо юридических лиц, чья деятельность непосредственно сопряжена с выполнением публичных, социально-общественных функций, в рамках гражданского законодательства.

Сведенная в подавляющем большинстве случаев к уголовному контексту либо к

«публикации опровержений», правоприменительная практика не регулирует наиболее интересные с юридической точки зрения прецеденты нанесения репутационного вреда публичным образованиям в РФ.

Так, муниципальным образованием г. Екатеринбург Свердловской области не был подан иск о защите деловой репутации к телеведущему Соловьеву В.Р., назвавшему муниципалитет «городом бесов», «городом мерзотной либероты, которая породила многих подонков, теперь скрывающихся за границей», несмотря на то, что данные цитаты получили широкое распространение на федеральном и даже международном уровнях и, безусловно, оказали негативное воздействие на деловую репутацию Екатеринбурга. По результатам доследственной проверки по данным прецедентам в отношении Соловьева В.Р. по ст. 20.1 КоАП РФ было отказано в привлечении телеведущего к административной ответственности, гражданский иск Администрацией г. Екатеринбурга в публичном интересе не подавался.

Очевидные репутационные риски публичных образований, связанные с привлечением трудоустроенных в них должностных лиц к уголовной ответственности в порядке главы 30-й УК РФ «Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления», также не нашедшие отражения в судебной практике, являются следствием одновременно недооцененности в том числе государственными органами такого нематериального актива, как деловая репутация, и сложившегося «однобокого» подхода в рассмотрении судами «репутационных дел», где истцом выступает публичное образование.

Ярким примером такого рода вреда, нанесенного деловой репутации публичного образования, а также органам исполнительной власти субъекта федерации, является уголовное дело, возбужденное в отношении экс-заместителя министра экологии Челябинской области Безрукова В.И., которому вменяется превышение должностных полномочий с причинением тяжких последствий (незаконные действия по оповещению промышленных предприятий о проведении проверки в период действия неблагоприятных метеословий).

При этом репутационный вред, причиненный публичному образованию, органу власти, в котором был трудоустроен обвиняемый, десятками публикаций в региональных и федеральных СМИ (в частности, делались выводы о неблагоприятной экологической ситуации в г. Челябинске и Челябинской области вследствие преступного бездействия обвиняемого должностного лица), измеряется в том числе суммой закупок, объявленных муниципалитетом в сентябре-декабре 2022 г. с целью «исправления» деловой репутации публичного образования в сфере экологии.

Так, несколько десятков миллионов рублей уже потрачено Администрацией г. Челябинска на «Повышение информированности общественности о деятельности, ключевых инициативах и проектах органов местного самоуправления города Челябинска в области экологии, социальной политики и корпоративного управления, а также формирования позитивной репутации города Челябинска». Имеется ли взаимосвязь (на наш взгляд, очевидная) между подобными бюджетными тратами и негативным воздействием на деловую репутацию публичного образования в том числе вследствие указанного преступного бездействия должностного лица, ответственного за экологию в субъекте федерации, судами не устанавливалось.

Только за 2019-2021 гг. были признаны виновными в преступлениях против государственной власти, интересов государственной службы и местного самоуправления

главы Новочеркасска, Туапсе, Евпатории, Волгодонска, Томска, Усть-Кута, Норильска, Славгорода, Михайловки, Георгиевска, Лобни, Макаровского ГО Сахалинской области, Орла, Майкопа и др.; в г. Челябинске сразу три главы областного центра последовательно привлечены к уголовной ответственности: «мэры-взяточники Давыдов, Юревич, Тефтелев... это уже стало своеобразной и очень позорной визитной карточкой Челябинска».

Вышеперечисленное, несомненно, не только оказывает негативное влияние на деловую репутацию соответствующих публичных образований, но и снижает их инвестиционную привлекательность.

Иллюстрацией прямой зависимости деловой репутации публичного образования, органа власти от репутации должностных лиц, его представляющих, является решение об отставке министра цифрового развития республики Чувашия, Майниной К.А., после публичного скандала с ее несовершеннолетним сыном, разместившим ряд неоднозначных публикаций в сети Интернет. Глава республики, Николаев О.А., объяснил данное решение необходимостью «сохранения репутации команды чувашского правительства».

С учетом изложенного, как представляется, репутационный вред, нанесенный публичным образованиям, в том числе – муниципальным образованиям, субъектам федерации, арестом и привлечением к уголовной ответственности их высших должностных лиц, может и должен быть оценен в том числе в порядке общей деликтной ответственности данных должностных лиц с возмещением пострадавшему образованию убытков, а также компенсации сверх возмещения вреда в порядке ст. 1064 ГК РФ.

Нестандартный гражданско-правовой подход к правонарушениям, влекущим не просто гипотетический репутационный вред, но и вполне осязаемый материальный, с одновременным взысканием убытков, нанесенных публичному образованию, органу власти продемонстрирован в Свердловской области. Очевидно, осознавая неоднозначные перспективы гражданского иска к публичной личности, бывшему мэру г. Екатеринбурга Е.В. Ройзману (внесен в список иноагентов), в порядке ст. 152 ГК РФ (несмотря на очевидные репутационные потери в результате его противоправных действий, в том числе десятков публикаций в СМИ, цитирующих спорные высказывания политика в отношении правоохранительных органов), ГУ МВД РФ по Свердловской области подало гражданский иск в порядке ст. 1064 ГК РФ о взыскании с Е.В. Ройзмана и еще четырех горожан компенсации за свою работу на несогласованной акции в январе 2021 г. Сумма исковых требований составила 565 тыс. руб. (оплата труда полутора тысяч полицейских в выходной день, расходы на бензин и пр.); ранее все ответчики по иску полиции были привлечены к административной ответственности по ч. 2 ст. 20.2 КоАП РФ. Иск удовлетворен Октябрьским районным судом г. Екатеринбурга в полном объеме.

Очевидно, широкое применение данной практики позволило бы минимизировать как вред деловой репутации публичных образований, органов власти в конкретных случаях, так и сократить количество подобных инцидентов.

Актуальной угрозой деловой репутации публичных образований РФ, начиная с 2014 г., когда были введены первые меры воздействия в отношении публичного образования – Российской Федерации – со стороны ЕС и США, являются новые санкционные порядки, меняющие «правила игры» и рыночную стоимость активов, в т.ч. нематериальных, самого государства как публичного образования и его составляющих. При этом расчета убытков, понесенных вследствие очевидных репутационных потерь, признания страны и

ее определяющих элементов агрессорами, не производилось.

В настоящий момент не представляется возможным определить все негативные репутационные, правовые, экономические риск-аппетиты российских юридических лиц, а также государства как публичного образования, в условиях новых санкционных порядков, однако правомерным будет обозначить последующий вектор развития правоприменительной, судебной практики в данном направлении как *extra jus*: денонсации, но не имплементации международных правовых норм, повсеместно реализуемый принцип возмездной справедливости Талиона - ׀ׁ ׀ׁ ׀ׁ ׀ׁ (ׁоко за око» - прим.) и симметричных мер, включая внешнее репутационное воздействие, оказывающий как непосредственное, так и опосредованное влияние на гражданско-правовые отношения в корпоративном секторе РФ. Речь идет, как представляется, о «противостоянии государств как корпораций», результаты которого экстраполируются на внутреннее правовое поле каждого из участников.

Так, юридическим следствием признания РФ агрессором (в гражданско-правовом секторе) и высоких репутационных потерь государства уже стали: легализация параллельного импорта; учет санкций в делах о защите интеллектуальной собственности (решение АС Кировской области об отказе в удовлетворении исковых требований британской компании Entertainment One UK Limited на основании того, что страна регистрации истца присоединилась к санкциям против РФ, а значит, имеет место злоупотребление правом, которое является самостоятельным основанием отказа в иске); выход из состава Совета Европы и денонсация Конвенции о правах и основных свободах человека 1950 г.; дозволение регулятора не публиковать до конца 2022 г. обязательную информацию о составе собственников кредитных учреждений, а также десятки иных, менее очевидных результатов реализации репутационных риск-сценариев вследствие гео-политических решений. Таких, как опубликованный текст Постановления Правительства Российской Федерации о сокрытии сведений из ЕГРЮЛ и бухгалтерских балансов.

Целесообразным и крайне срочным в этой связи видится учет имеющихся страновых, макроэкономических, и репутационных рисков публичными образованиями РФ; внесение своевременных регламентирующих соответствующую отрасль законодательных инициатив; всемерное использование вновь вводимого в РФ правового инструментария, в том числе легализующего ранее прямо запрещаемые действия и способы работы. Указанные способы самозащиты позволят минимизировать материальный ущерб, нанесенный негативным воздействием на репутацию государства и его отдельных сегментов в условиях безвиновности и незаконных действий третьих лиц - публичных образований.

Заимствование и непосредственное воспроизведение в конкретных правовых нормах, в том числе – нормах публичного права, наряду с частным, европейского тезиса о «правомочии самого государства на компенсацию неимущественного вреда вследствие диффамации, нанесшей ущерб образу и авторитету государства, а, следовательно, и моральный вред», тем актуальнее для Российской Федерации, чем более напряженными становятся санкционные и внешнеполитические процессы. Так, рецепция в гражданское законодательство России аналога, к примеру, ст. 2 Конституции Италии, признающей и гарантирующей неотъемлемые права не только граждан как отдельных личностей, но и права граждан в социальных, публичных образованиях, в том числе по защите от репутационного вреда, видится более чем целесообразной.

Необходимым представляется также закрепление в публично-правовых документах

правомочий России как государства, субъекта права со специфической правоспособностью, на компенсацию неимущественного вреда вследствие диффамации, нанесящей ущерб образу и авторитету государства, а, следовательно, правомочий по компенсации причиненного вреда в порядке обращения в Международный суд ООН.

Несмотря на то, что России, безусловно, необходимо соотноситься с опытом регулирования соответствующего института в иных правовых системах, прежде всего, европейских, в первую очередь, как представляется, следует опираться на цели и задачи развития российской экономики, сформулированные в «Стратегии национальной безопасности РФ» от 02.07.2021 г. (в том числе посредством эффективной правовой защиты публичных образований РФ, органов власти и их представителей как внутри государства, так и вне его).

Законодательная фиксация:

- эффективных новелл, наработанных судебной доктриной с момента последних изменений, внесенных в ст. 152 ГК РФ и относящихся к защите деловой репутации юридических лиц, включая публичные образования, с учетом анализа правоприменительной практики в данной сфере регулирования гражданско-правовых отношений;

- вводимых публичными образованиями, органами власти различных субъектов федерации различных комплаенс-практик по урегулированию правовых, репутационных рисков,

позволит эффективно разрешать споры о защите деловой репутации данного сегмента юридических лиц со справедливой компенсацией убытков, вне противоречия публичному интересу и принципам гражданского правосудия.

Библиография

1. Дрожжин М.А. Исторические предпосылки формирования института репутационного вреда в России // Тенденции развития науки и образования. 2017. №26 (3). С. 35-38.
2. Карагодина Н.П., Тычинин С.В. Обязательства вследствие причинения вреда чести и достоинству личности в законодательстве Древней Руси // История государства и права. 2010. №3. С. 12-15.
3. Российское законодательство X-XX веков: В 9 т. Т. 1: Законодательство Древней Руси / Отв. ред. В.Л. Янин. М.: Юрид. лит., 1984.
4. Исаев М.А. Толковый словарь древнерусских юридических терминов: от договоров с Византией до уставных грамот Московского государства. М.: Спарк, 2001.
5. Коллманн Н.Ш. Соединенные честью: Государство и общество в России раннего нового времени. М.: Древлехранилище, 2001.
6. Соборное Уложение 1649 года. Текст. Комментарии / Под ред. А.Г. Манькова. Ленинград: Наука, 1987.
7. Калинин В.В. Из истории развития института гражданско-правовой защиты деловой репутации // Правоведение. 2009. №4. С. 170-171.
8. Стучка П. И. Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права. Рига: Латгосиздат, 1964.
9. Белявский А.В., Придворов Н.А. Охрана чести и достоинства личности в СССР. М.: Юрид. лит., 1971.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

РЕЦЕНЗИЯ на статью на тему «Честь имею: право публичных образований на защиту деловой репутации».

Предмет исследования. Предложенная на рецензирование статья посвящена праву «... публичных образований на защиту деловой репутации». Автор интересно представляет проблему: «Честь имею». Автором выбран особый предмет исследования: предложенные вопросы исследуются с точки зрения гражданского, уголовного, административного и международного права, при этом автором отмечено, что «Легальные механизмы, обеспечивающие гарантированное право юридических лиц на восстановление важнейшего нематериального актива, – скорее вызов российскому законодателю, ориентированному на отработанные юридические практики». Изучаются НПА и судебная практика России, международные конвенции, практика ЕСПЧ, имеющие отношение к цели исследования. Также изучается и обобщается большой объем научной литературы по заявленной проблематике, анализ и дискуссия с данными авторами-оппонентами присутствует. При этом автор отмечает, ссылаясь на оппонента: «...по мнению ряда исследователей, ...: ни ранние его образчики, ни имперское законодательство России, ни тем более советская юриспруденция не полагали необходимым тщательное регулирование вопросов компенсации вреда, нанесенного деловой репутации юридического лица, в силу определенной специфики российского исторического и, как следствие, правового поля [1. с. 35-38]».

Методология исследования. Цель исследования определена названием и содержанием работы: «Несмотря на сложную геополитическую ситуацию, появление и развитие современных угроз деловой репутации, в том числе публичных образований, соответствующие действенные механизмы ее защиты в России отсутствуют», «Заявленное законодателем «право на репутацию» политических структур общества, включая Российскую Федерацию, ее субъектов и муниципальных образований, не подкреплено ни соответствующей нормативно-правовой базой, ни фундаментальными доктринальными исследованиями, ни единообразием судебной практики». Они могут быть обозначены в качестве рассмотрения и разрешения отдельных проблемных аспектов, связанных с вышеназванными вопросами и использованием определенного опыта. Исходя из поставленных цели и задач, автором выбрана определенная методологическая основа исследования. Автором используется совокупность общенаучных, специально-юридических методов познания. В частности, методы анализа и синтеза позволили обобщить некоторые подходы к предложенной тематике и отчасти повлияли на выводы автора. Наибольшую роль сыграли специально-юридические методы. В частности, автором применялся формально-юридический метод, который позволил провести анализ и осуществить толкование норм действующих НПА и судебной практики РФ, международных конвенций, практики ЕСПЧ. В частности, делаются такие выводы: «... позиция высших судебных инстанций, ... касающихся вопроса защиты деловой репутации публичных образований, органов власти и ее представителей, нашедшая поддержку в доктрине, в ближайшей перспективе может претерпеть значительные изменения, связанные с преобразованием гео-политического поля и новыми публичными вызовами...» и др. Таким образом, выбранная автором методология в полной мере адекватна цели статьи, позволяет изучить многие аспекты темы.

Актуальность заявленной проблематики не вызывает сомнений. Данная тема является одной из важных в России, с правовой точки зрения предлагаемая автором работа

может считаться актуальной, а именно он отмечает «...в имеющихся научных работах рассматриваются исключительно вопросы защиты от репутационного вреда юридических лиц вне изучения специфики защиты деловой репутации публичных образований». И на самом деле здесь должен следовать анализ работ оппонентов и НПА, судебных решений, и он следует и автор показывает умение владеть материалом. Тем самым, научные изыскания в предложенной области стоит только приветствовать.

Научная новизна. Научная новизна предложенной статьи не вызывает сомнения. Она выражается в конкретных научных выводах автора. Среди них, например, такой: «Сведенная в подавляющем большинстве случаев к уголовному контексту либо к «публикации опровержений», правоприменительная практика не регулирует наиболее интересные с юридической точки зрения прецеденты нанесения репутационного вреда публичным образованиям в РФ». Как видно, указанный и иные «теоретические» выводы «Очевидные репутационные риски публичных образований, связанные с привлечением трудоустроенных в них должностных лиц к уголовной ответственности в порядке главы 30-й УК РФ ... являются следствием одновременно недооцененности ... такого нематериального актива, как деловая репутация, и сложившегося «однобокого» подхода в рассмотрении судами «репутационных дел», где истцом выступает публичное образование» могут быть использованы в дальнейших исследованиях. Таким образом, материалы статьи в представленном виде могут иметь интерес для научного сообщества. Стиль, структура, содержание. Тематика статьи соответствует специализации журнала «Административное и муниципальное право», так как посвящена праву «...публичных образований на защиту деловой репутации». В статье присутствует аналитика по научным работам оппонентов, поэтому автор отмечает, что уже ставился вопрос, близкий к данной теме и автор использует их материалы, дискутирует с оппонентами. Содержание статьи соответствует названию, так как автор рассмотрел заявленные проблемы, достиг цели своего исследования. Качество представления исследования и его результатов следует признать доработанным. Из текста статьи прямо следуют предмет, задачи, методология, результаты исследования, научная новизна. Оформление работы соответствует требованиям, предъявляемым к подобного рода работам. Существенные нарушения данных требований не обнаружены. Одна описка - «госдарства».

Библиография. Следует высоко оценить качество представленной и использованной литературы и судебной практики. Присутствие современной научной литературы и судебной практики показывает обоснованность выводов автора. Труды приведенных авторов соответствуют теме исследования, обладают признаком достаточности, способствуют раскрытию многих аспектов темы.

Апелляция к оппонентам. Автор провел анализ текущего состояния исследуемой проблемы. Автор описывает разные точки зрения оппонентов на проблему, аргументирует более правильную по его мнению позицию, опираясь на работы оппонентов, предлагает варианты решения отдельных проблем.

Выводы, интерес читательской аудитории. Выводы являются логичными, конкретными «Законодательная фиксация ... позволит эффективно разрешать споры о защите деловой репутации данного сегмента юридических лиц со справедливой компенсацией убытков, вне противоречия публичному интересу и принципам гражданского правосудия». Статья в данном виде может быть интересна читательской аудитории в плане наличия в ней систематизированных позиций автора применительно к заявленным в статье вопросам. На основании изложенного, суммируя все положительные и отрицательные стороны статьи рекомендую «опубликовать» с учетом замечаний.